

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

*СЕКРЕТНЫЙ ДЬЯК,
ИЛИ*

*ЯЗЫК ДЛЯ ПОТЕРПЕВШИХ
КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ*

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
П70

Прашкевич, Г.

П70 Секретный дьяк / Г. Прашкевич — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 696 с.

Романы Геннадия Прашкевича можно сравнить с музыкальными произведениями, так необычен ритм его прозы, так самобытен и глобален язык, — отзывались о «Секретном дьяке» и «Носоруком» литературные критики. Гул прошлого явно доносится до наших дней. Только-только ещё задуман выход к Тихому океану, а приказной дьяк Иван Крестинин со товарищи уже идёт по бескрайним снегам Сибири, преодолевает громадные пространства, освещаемые лишь луной да северными сияниями, слышат гортанные голоса населяющих приполярный круг разноязычных племён; казалось бы, самые обыденные события становятся Историей. «Только что закончил (читать) «Секретного дьяка», — писал автору, прочитав книгу, Борис Стругацкий. — Отличная вещь! Вы один из немногих в нынешней России, кто умеет писать исторические романы!»

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
В1С FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74053-6

© Прашкевич Г., 2022
© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ОТ АВТОРА

Я рос на Енисее, потом на сибирской железнодорожной станции Тайга.

Запах каменноугольной крошки, горячего пара от паровозов, звёзды в ледяном небе и цветные огни маневровых фонарей вдоль рельсовых путей казались мне чем-то своим — вечным, врожденным. Всё свое, ни о чем не нужно спрашивать. В голову не приходило, что это сюда, именно сюда, в Сибирь, в такой привычный и близкий нам край, ещё недавно стремился Ермак, ставил острожки атаман Копылов, спускался из Жиганска на деревянных кочах енисейский казак Илья Перфиров, а другой — Мишка Стадухин изумленно сообщал с реки Погычи о прежде совсем неведомом народе — чухчах. Северное небо, северные сияния — это юкагиры зажигают огни. Все своё. Всё вечно. Но постепенно, по мере взросления, проявлялось в сознании, как на обрабатываемой фотобумаге, понимание чрезвычайной давности доступного тебе слоя истории.

Понимание это проявлялось и приходило не из многочисленных советских и дореволюционных романов, часто написанных казенным лжепатриотическим языком — с красавицами (льняные косы), ожидающими смелых землепроходцев, везде и всегда братающимися с каждым живым (как бы оно ни выглядело) существом, выпрыгивающим из-за траурного дерева. Всегда одно и то же — движение встреч солнцу, будто бы в русском языке и других слов нет. И остался бы у меня, наверное, интерес к родной Сибири чисто умозрительным, как это часто (со многими и многими) бывает, если бы не библиотеки, чудесные провинциальные библиотеки, очень вовремя предложившие мне «скаски» Владимира Атласова, чудесные «описания» Степана Крашенинникова, поразительные заметки из заветных «сундуков» академика Миллера. И вот уже не белый туман, не глухая книжная пелена прошлого закрывала плоский заснеженный горизонт, а одинокие шоромбойцы, долгане, юкагиры бежали по тундре, тянули свои

бесконечные песни, олешки покачивали веселыми рогами, поземкой несло.

О, этот золотой дым времён!

Кто мы? Откуда? Куда и зачем идем?

Ищи, говорил я себе! Ищи и прислушивайся!

И однажды нашлось, случилось, не могло не случиться!

«Санька соскочила с печи, задом ударила в забухшую дверь. За Санькой быстро слезли Яшка, Гаврилка и Артамошка: вдруг все захотели пить, — вскочили в темные сени за облаком пара и дыма из прокисшей избы...»

Это необыкновенно походило на мир, окружающий меня.

А там дальше в маленькое окошечко холодных сенок пробивался лунный голубоватый свет, обледенелый ковшик торчал из кадки с водой. Алексей Николаевич Толстой с наслаждением писал о забухлом, уже как бы ушедшем в прошлое петровском мире, а в моей голове вдруг молнией вспыхнуло понимание: мы — такие же! мы — корень от корня! «Дикие» юкагиры или ламуты, чюхчи или камчадалы — они ведь на волшебные сказки были не меньшие мастера, чем древние греки. Значит, надо услышать их. А заодно увидеть предков моих, как они шли к Охотскому морю, к далекой Ламе, к неведомому океану. Стеллер на Камчатке выкалывал морским котам глаза, чтобы посмотреть (из научного интереса), как они будут находить дорогу домой, а Хабаров выжигал местные поселения, чтобы обезопасить горстку своих казаков, а Семен Дежнев (и многие другие землепроходцы) напротив — помогали всем, кто хотел жить в мире и дружбе. Обман, радость, изумление, новые и новые земли, новые племена, женские возгласы, шум океанского наката — глаза чудесно обессмысливались у русских дьячков, заносивших в свои летописные листы медленное течение мировых событий.

Я видел всё это, видел!

Но как об этом написать? Кто подскажет?

Ну да, В. И. Йохельсон, В. Г. Тан-Богораз, другие бесчисленные искатели.

А кто ещё? Кто намекнёт на тот сущий, на тот истинный язык, что живёт в наших душах?

И опять — однажды. Случайно раскрыл книжку. И. И. Лажечников (первая треть XIX века).

«Государыня села в первую карету с придворной дамой постарше; в другую карету вспрыгнула Мариорица, окруженная услугами молодых и старых кавалеров. Только что мелькнула ее гомеопатическая ножка, обутая в красный сафьяновый сапожок, и за княжной полезла ее подруга, озабоченная своим роброном».

Боже мой, как тут не дрогнуть сердцу?

Эта гомеопатическая ножка!

Я услышал!

Дальше было легко.

И если кому-то, читая, покажется, что слова в моих романах непривычно смешаны, а тайные углы одной эпохи как бы неявно вдвинуты в другую, и свет прошедших эпох резко и странно смешивается, я уже сейчас готов успокоить такого дотошного читателя: да, так, именно так, истинно так! Только учтите, обязательно учтите, что это вовсе не промах. Стрела попала в цель. Ведь все мы всегда живем сразу в самых разных слоях времени — и вы, и древняя старуха с соседней улицы, и ты, девчонка, отплясывающая в ночном клубе, и пьяный слесарь из вагонного депо, и поэт, читающий балладу, и уже растворившийся в истории тот бородатый русский землепроходец. Живёт, развивается язык. И он никогда не состоит только из тех слов, которыми мы привычно пользуемся в своём времени.

*Ген. Прашкевич
Новосибирск, 2021*

НОСОРУКИЙ

ГЛАВА I. СТРЕЛА В СНЕГУ

НАКАЗНАЯ ПАМЯТЬ ВОЕВОДЫ ЯКУТСКОГО
ВАСИЛИЯ НИКИТИЧА ПУШКИНА

КАЗАКАМ,

ОТПРАВЛЯЮЩИМСЯ НА РЕКУ БОЛЬШУЮ СОБАЧЬЮ

Лета 7155-го в 5-й день по государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу, також по приказу воевод Василия Никитича Пушкина да Кирила Осиповича Супонева да диака Петра Стенишина наказная память сыну боярскому Вторко Катаеву да служилому человеку кормицику Гераське Цандину со товарищи дана.

Итить ему, сыну боярскому Вторко Катаеву, из Якуцкого острога до Большой собачьей реки. И там, место выбрав, ставить с великим радением дальнее зимовье для розыску и приводе под государеву высокую руку тамошних юкагирех неясашных, род рожки писанные. И жить в том острожке с великим бережением, блядни не разводить, в день и в ночь в воротах караулы ставить, чтоб рожки писанные, пришед, дурна никакова не сделали. А сыну боярскому Вторко Катаеву искать по сендуиным землицам зверя большого носорукого, в котором месте пристойнее и где доведется.

И буде сыщется и объявится тот зверь, имать зверя.

А поставив зимовье и зверя сыскав, тотчас нарошно от себя отпустить человека в Якуцкий острог, ково доведется. А с ним про все доподлинно отписать: в которую он, сын боярский Вторко Катаев, землицу пришел, и кто у него воз, и сколько людей служилых и промышленных, и какие в той новой землице людишки, и много ли их, и почему всякие их родимцы не платят государеву ясаку?

А получив весть от сына боярского, служилому человеку кормицику Гераське Цандину со товарищи брать большой коч или в каких судах мочно поднятица на Большую собачью. В том коче или на тех судах ехать до зимовья, поставленного сыном боярским. Попутно

смотреть, какие у тое реки берега, и есть ли на них какие выметы, и есть ли какие угодные места и лес, который бы к судовому и ко всякому другому делу пригодился? Или горы, да буде горы? И какие горы: каменные ли, высокие ли? И какова в тое реке вода, и мечет ли из себя на берег какой зверь?

А сыскав зимовье, поставленное сыном боярским Вторко Катаевым, служилому человеку кормицу Гераське Цандину взять на коч людишек и зверя носорокого, у него рука на носу, и коч проводить в Якуцк незамедлительно и с великим бережением.

И того им, сыну боярскому Вторко Катаеву и служилому человеку кормицу Гераське Цандину, смотреть и беречь накрепко, чтоб на зимовье и на судах пива и браги и воровства не было, и зернью бы служилые люди не играли и государева жалованья и казенных пища-лей, и казенного платья с себя не проигрывали. И самим напрасно налоги не чинить и для своей бездельной корысти ни в чем к служилым и к промышленным людям не приметыватца, и всяких кругов, и бунтов, и особенных одиначеств нигде не заводить, чтобы ни в чем от тех шаткостей поруки государеву делу не было.

А буде они, сын боярский Вторко Катаев да служилый человек кормицк Гераська Цандин, учнут делать по изменничью, и зверя того, у коего рука на носу, не сыщут и не доставят в Якуцк в добром здравии, быть им обоим по государеву указу в жестоком наказании без пощады.

Ущелья, лед на перевалах, замороженные леса.

КазакИ шли и шли, верста за верстой, теряли счет пройденному.

Были ущелья, где по стенам нависало снега так, что боялись говорить даже шепотом. Большое преступление говорить громко в таких страшных местах, даже собак кликать. Бежали молча, подталкивая олешков, придерживая собак. Были перевалы, где уже сил не доставало — все равно шли. А где, например, выпадал такой снег, что соба-чью ногу напрочь отнимало.

Людей ни разу не встретили.

Не встретили и животных, наверное, навсегда ушли.

А все равно Христофор Шохин, вожатый, опытный проводник, вож, как называли его, нанятый сыном боярским Вторко Катаевым